

Однако эта штукавина, несмотря на огромную мощь, была громоздкой и тяжёлой, время зарядания занимало много времени, да и безопасность оставляла желать лучшего — часто разрывало стволы.

Если бы удалось её усовершенствовать, это определённо добавило бы мощи армии Поздней Мин. Тогда, встретившись с войсками Бэйсян, можно было бы, не разбираясь, кто прав, сначала палить по ним время, за которое сгорит одна палочка благовоний. Даже если бы они явились словно небесное воинство, им пришлось бы разбежаться, укрыв головы.

Цао Цзюньши всё же не мог не помечтать об этом.

Чжу Линсы продолжил читать.

Далее простодушный Цао Цзюньши изложил скромный замысел по разработке новой пушки: лёгкая, удобная для перемещения, быстрое зарядание, безопасная и стабильная, без разрывов ствола.

Для достижения этой небольшой цели потребуется примерно столько-то исследователей, испытательный полигон, бюджет, критерии оценки и механизм надзора и так далее, всего не перечислить.

Чжу Линсы чуть не заплакал.

Цао Цзюньши стоял на коленях в зале Цзяньцзи, не переставая писать с утра до вечера, не ел, не пил, возможно, даже не ходил в уборную, — и всё для того, чтобы донести свои мысли до него.

Что за небесный талант, ниспосланный спасти мою Позднюю Мин!

В первую тройку и в число шуцзиши Цао Цзюньши так и не попал. Сюй Чэн и другие считали, что легкомысленное увлечение ритуалами и моралью, пренебрежение добродетелью и, напротив, внимание к странным уловкам и изощрённым техникам не должно быть главным направлением, продвигаемым Поздней Мин.

В торжественном параде верхом его тоже не было, зато на банкете в Павильоне Цюнлинь ему выделили место. Перед началом пира Чжу Линсы специально вызвал Цао Цзюньши в Павильон Вэньхуа.

Цао Цзюньши вовсе не был красавцем, его внешность была такой же простой и честной, как и стиль письма. Хотя он сдавал экзамены в один год с Се Цзином, ему уже было за тридцать.

Без лишних слов, Чжу Линсы обменялся парой любезностей, а Цао Цзюньши, ещё не оправившись от потрясения от такой милости, должен был отвечать на серию вопросов малолетнего императора о создании пушек.

Он никогда не думал, что его мнение может быть так высоко оценено правителем государства. Никто никогда не говорил ему «ты прав», все рассуждали о «Дао» и «искусстве», но Цао Цзюньши чутко осознавал, что иногда именно «оружие» является ключом к контролю над ситуацией.

Он упал на колени перед малым императором, задыхаясь от слёз и не в силах вымолвить слова благодарности.

— По-твоему мнению, сколько потребуется серебра? — Как только было решено создавать пушки, Чжу Линсы больше всего беспокоился о расходах на разработку.

— За три года как минимум пятьдесят тысяч лянов серебра и пятьсот му пустошей, — Цао Цзюньши запросил огромную сумму.

Дорого, — мысленно ахнул Чжу Линсы, но императорское слово нерушимо, и он издал указ: Цао Цзюньши назначается начальником управления Юйхэн в Министерстве работ и немедленно отправляется в Фуцзянь для разработки огнестрельного оружия. Всё необходимое должно быть доставлено на место в течение полумесяца.

Не прошло и трёх-пяти дней, как жители столицы уже знали, что чиновник Министерства финансов Цао сделал игрушку, понравившуюся императору, и получил повышение и богатство.

Се Цзин же в душе удивлялся. С момента восшествия на престол малолетний император находился под его присмотром. Всё, что он читал и изучал, были слова мудрецов, без малейшего отклонения.

Почему же он так высоко оценил Цао Цзюньши?

Он вспомнил прежние слухи и задумался: неужели природа берёт своё, и внешне мягкий, воспитанный малолетний император собирается встать на путь милитаризма?

Весна в столице была в самом разгаре, но среди густой зелени Се Цзин всё же почувствовал озноб.

Чжу Линсы был потрясён:

— Как так могло произойти?

Лу Шэн поспешил поддержать его и громко крикнул евнухам:

— Что происходит? Позовите вашего начальника!

Хотя ему было всего одиннадцать, но, проводя дни и ночи рядом с императором, даже в таком юном возрасте его тон был твёрдым.

Вскоре прибыл новый глава Управления церемоний Лю Ин. Увидев Чжу Линсы, его круглое бледное лицо расплылось в улыбке.

После того как Сюй Ляншэна отправили охранять гробницы, его место занял Лю Ин, старший евнух Управления императорских конюшен, с которым у того были плохие отношения. Чжу Линсы не был с ним знаком, и Лю Ин получил эту должность не из-за выдающихся заслуг, а просто благодаря своему стажу.

— Ваше Величество, не волнуйтесь, — сказал Лю Ин, бросив взгляд на личную казну, и его улыбка слегка потускнела.

— У меня действительно так мало серебра? — Чжу Линсы уже немного успокоился. Из книг он знал, что хотя Поздняя Мин не могла сравниться с эпохой Кайюань и Тяньбао времён Тан, ремесленное производство в регионе Цзянсу-Чжэцзян было очень развито, появилось множество богатых купцов, а государственные налоги были весьма значительными.

Но почему в личной казне императора было меньше тридцати тысяч лянов серебра?

Лю Ин, приговаривая «прошу прощения», поспешил велеть младшему евнуху принести бухгалтерскую книгу. Чжу Линсы пролистал несколько страниц и чуть не выплюнул кровь.

Там было записано, как в определённый год и месяц предыдущий император подарил наложницам драгоценности и украшения на сумму в сто тысяч лян серебра; специально приказал изготовить в Цзиндэчжэне набор фарфора за двести тысяч лян; подарил подлинные работы древних каллиграфов своему учителю на день рождения за восемьдесят тысяч лян. И так далее, всего не перечислить.

По сравнению с этим, Цао Цзюньши и вправду оказался скромнягой.

Из запрошенных им пятидесяти тысяч лян десять тысяч должны были пойти на покупку пяти пушек красных варваров, оставшиеся сорок тысяч — на приобретение чугуна, стали, пороха, а также форм, экспериментального сырья, оборудования и инструментов, а также на выплату жалованья исследовательской группе из двадцати-тридцати человек за три года, на их проживание и питание, и на оплату труда местных жителей, которые будут обустривать испытательный полигон.

Чжу Линсы вдруг забеспокоился, хватит ли ему этих денег.

Но более серьёзной проблемой было то, что сейчас у него не было этих пятидесяти тысяч лян!

Министерство финансов заявило, что из-за наводнения на Хуанхэ деньги нужно направить на помощь пострадавшим и ремонт гидротехнических сооружений. Хэ Е, заместитель главного экзаменатора, был заодно с Сюй Чэном и не хотел тратить деньги на такие «странные уловки и изощрённые техники».

Министерство войны также не желало выделять эти средства. Когда Чжу Линсы столкнулся с их отказом на заседании в тронном зале, он сидел на троне, не в силах вымолвить ни слова, а лица чиновников, казалось, говорили: «Так и должно быть».

Чжу Линсы высоко ценил Цао Цзюньши и упрямо настаивал на создании пушек, но чиновники, чтобы вернуть мир в нужное русло, действовали по-своему.

Чжу Линсы слышал, как они внизу, на ступенях, спокойно обсуждали другие вопросы, и чувствовал себя полностью проигнорированным. Гнев достиг предела, и кожа головы онемела.

Возможно, за последние полгода все относились к нему с почтением, и он сам незаметно проникся толикой гордости, и теперь больше не мог терпеть такого пренебрежения. В сердце невольно подумал:

«Не дашь денег — лишу должности, ещё будешь болтать — брошу в тюрьму».

«Предупреждение о деспотизме, предупреждение о деспотизме», — давно молчавшая 4848 снова выскочила. Чжу Линсы вздрогнул, почувствовав озноб.

— Ваше Величество, — позвал Се Цзин, стоявший сзади.

Все сразу же перевели взгляды на Чжу Линсы. Увидев это, он успокоился и сказал:

— Ничего, почтенные сановники, продолжим обсуждение.

С тяжёлым сердцем Чжу Линсы вернулся во дворец. Се Цзин, опасаясь, что ему нездоровится, проводил его до дворцовых ворот, но на прощании хотел что-то сказать, но не решился.

Он вдруг вспомнил, как после заседания Чжоу Чжэнь подошёл и тихо предложил ему проверить личную казну. Чжу Линсы наконец осознал, что у него есть собственный денежный запас.

Но денег всё равно не хватало, и хотя были детальные записи о расходах, его покойный отец лежал у водохранилища Чанпин и не мог встать, чтобы подтвердить это. Чжу Линсы не мог никого винить.

Чжу Линсы собрал по крупницам тридцать тысяч лянов и отправил Цао Цзюньши. К счастью, расходы на персонал не нужно было оплачивать сразу, и Чжу Линсы пообещал Цао Цзюньши, что в следующем году деньги будут выделены, и попросил его спокойно заниматься разработкой лёгких, быстрых и безопасных пушек.

Цао Цзюньши прислал восторженный доклад с благодарностью. Пройдя через Внутренний кабинет, те ничего не написали и сразу передали императору.

По их мнению, увлечение Чжу Линсы созданием пушек было просто детской забавой, да ещё и не самой приличной.

Чжу Линсы вдруг немного понял, почему некоторые императоры так ценили евнухов.

Потому что иногда чиновники и вправду очень надоедливые.

В последующие дни он по-прежнему учился вместе с почтенными сановниками. Хэ Сянь с наступлением зимы почувствовал себя хуже, и тогда снова позвали Чжоу Чжэня, который стал академиком Академии Ханьлинь, чтобы тот читал ему лекции. От Чжоу Чжэня он услышал большую сплетню.

Говорят, после того как Се Цзин стал чжуаньюанем, он собирался вернуться домой и жениться на дочери уездного начальника, которая финансировала его участие в провинциальных экзаменах, но, к сожалению, девушка уже скончалась.

Чжу Линсы уже хотел сказать, что это не та версия, которую он видел, но Чжоу Чжэнь продолжил:

— Дочь академика Сюй Чжэня, Сюй Хуэйянь, талантливая и красивая...

— ...собиралась выйти замуж за Се Цзина? — подхватил Чжу Линсы.

— ...кто бы мог подумать, что молодая госпожа и ваш покорный слуга влюбились с первого взгляда, — с гордостью сказал Чжоу Чжэнь.

Разум Чжу Линсы немного помутнел, колеблясь между мыслями «как этот человек может такое говорить» и «этот человек действительно перехватил Се Цзина».

Автор хочет сказать: Дорогие читатели, пожалуйста, добавьте книгу в избранное и оставьте комментарии... (* □3)(ε□ *)